

Хуан Хайчэн резко шагнул ближе. В нос Линь Цинжаню ударил приторный, удушливо-сладкий запах парфюма. Дыхание перехватило, а к горлу снова подкатила тошнота.

Прижав ладонь к ноющему желудку, Цинжань с трудом сглотнул. Тратить время на Хуан Хайчэна не хотелось. Он резко высвободил запястье и бросил холодное:

— Извини, мне пора.

И, не оборачиваясь, быстрым шагом направился к своему корпусу.

Хуан Хайчэн задумчиво потер кончики пальцев, которыми только что касался чужого бока. На его губах заиграла сальная ухмылка:

— А талия у него, блядь, мягкая...

Стоило выйти на открытое пространство, как ледяной ветер с новой силой швырнул в лицо горсть колючей стужи. Удушливый шлейф чужих духов наконец рассеялся, и в желудке немного улеглось.

Звонок на последний урок прозвучал ровно в ту секунду, когда он переступил порог кабинета. Линь Цинжань еще от двери заметил, что за соседней партой кто-то сидит.

Гу Вэньюй вернулся.

Отведя взгляд, Линь Цинжань обошел парту со своей стороны и сел. Стоило ему опуститься на стул, как по его столешнице нетерпеливо постучали указательным пальцем.

— После уроков останешься, — не допускающим возражений тоном бросил Гу Вэньюй.

Цинжань замер, сдерживая дыхание, пока внутренности скручивал новый спазм. Сбоку, со стороны соседа, опять потянуло тем самым удушливым ароматом. Он нахмурился и повернулся к Вэньюю, собираясь что-то сказать, но в класс как раз вошел учитель.

В животе ураганом бушевала тошнота. Пришлось торопливо отвинтить крышку термоса и сделать несколько больших глотков — только после этого немного отпустило. Из-за холодов все окна и двери в кабинете были заперты наглухо, отчего дышать в помещении становилось нечем.

— И почему никто не проветривает? — недовольно спросил вошедший учитель математики, окинув класс строгим взглядом. — С ума сойти можно от такой духоты.

Сидящие у окон ребята тут же поспешили приоткрыть створки. В образовавшиеся щели ворвался морозный сквозняк. Он мгновенно вымел из кабинета застоявшийся воздух, а вместе с ним и въедливый запах чужого парфюма. Никто из одноклассников не посмел даже пикнуть — крутой нрав математика знали все. Подросткам оставалось лишь молча плотнее кутаться в

куртки.

Начался урок. Взяв ручку, Линь Цинжань поморщился от резкой боли в ладони и только сейчас заметил сбитые костяшки. Кожа на пальцах лопнула и припухла, но на фоне покрасневших от холода рук это почти не бросалось в глаза. Он равнодушно скользнул взглядом по ссадинам. Видимо, разбил, когда слишком сильно приложил Хуан Гэ по лицу. Мелочи.

Время пролетело незаметно. Закончив объяснение новой темы и надиктовав домашнее задание, учитель собрал конспекты и вышел. Едва за ним захлопнулась дверь, как класс буквально взорвался суетой — большинство ребят, собравших рюкзаки еще в середине урока, лавиной хлынули в коридор.

Кабинет опустел за считанные минуты. Хуан Гэ продолжал сидеть на своем месте в глубине класса. Крутившиеся возле него парни с опаской поглядывали на его разбитую губу.

— Слышь, брат Хуан Гэ, мы с Линь Цинжанем разбираться-то будем?

Хуан Гэ зыркнул на спросившего с бешеной злостью.

— Глаза разуй! Не видишь, что ли, брат Гу здесь? Раз он не уходит, значит, у него к этому ублюдку дело.

Он сверлил взглядом прямую спину Цинжаня, осторожно трогая пальцем ссадину на губе. Спустить такое оскорбление с рук он, конечно, не мог, но мысль о том, что сейчас за Линь Цинжаня возьмется сам Гу Вэньйуй, странным образом утихомирила его гнев.

На что способен Вэньйуй в бешенстве, Хуан Гэ знал слишком хорошо.

— Может, останемся? Поглядим, как брат Гу его приструнит!

— Да-да, упускать такое зрелище нельзя!

Гу Вэньйуй лениво откинулся на спинку стула и мерно постучал по столешнице средним и указательным пальцами. В полупустом гулком классе этот стук прозвучал отчетливо и зловеще.

Любители чужих драк мгновенно прикусили языки и боязливо попятились к выходу.

— Э-э, брат Хуан Гэ... мы, пожалуй, пойдем, — пробормотал один из них.

Хуан Гэ слизнул выступившую на губе кровь и, не говоря ни слова, зашагал следом за приятелями.

Дверь за ними захлопнулась. В классе повисла тяжелая, звенящая тишина. Ни один из

оставшихся не спешил нарушать ее.

— О чем ты хотел поговорить? — первым нарушил молчание Линь Цинжань.

Гу Вэньюй швырнул свой мобильный прямо перед ним. На деревянную поверхность стола лег тяжелый пластиковый корпус. Когда Вэньюй поднял взгляд, из-под его полуопущенных век полыхнуло такой неприкрытой злобой, что воздух вокруг, казалось, мгновенно сгустился.

— Вижу, мои слова для тебя — пустой звук?

Линь Цинжань опустил глаза на экран. На дисплее светился зернистый, явно вырезанный из записи камеры видеонаблюдения снимок. Несмотря на плохое качество и размытые силуэты, на нем без труда можно было узнать его самого и Хань Синьи. Они обнимались.

— Весело проводишь время? — Гу Вэньюй резко поднялся, рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в подбородок Цинжаня. Выдавив из себя издевательский смешок, он прошипел: — Какая же ты все-таки дешевка. Перед глазами святошу из себя строишь, а за спиной прыгаешь по чужим койкам?

Большой палец Вэньюя с силой вдавился в уголок губ Линь Цинжаня. Тот судорожно вздохнул от пронзительной боли.

Тонкая корочка на ранке, оставшейся после пощечины Хуан Гэ, лопнула. Горячая соленая струйка потекла по подбородку, во рту мгновенно разлился приторный привкус железа.

Линь Цинжаню пришлось закинуть голову назад. Он упрямо уставился прямо в бешеные глаза противника:

— Всё было не так!

— Не так? — Вэньюй злобно усмехнулся и покачал головой, языком ощупывая зубы изнутри. Свободной рукой он снова подхватил телефон и брезгливо кивнул на экран: — Хочешь сказать, пока вы не трахнулись, это не считается?

Цинжань до боли стиснул кулаки. Кровь продолжала сочиться во рту, окрашивая слюну в алый цвет.

— Мы просто поговорили, — процедил он сквозь зубы. — Между нами ничего не было.

Гу Вэньюй сощурил и без того узкие глаза, внимательно вглядываясь в бледное лицо парня, а затем резко разжал пальцы.

— Неужели? — тихо, почти ласково спросил он, отступая на шаг. — Говорят, тебе тут любовные послания строчат? — внезапно сменил он тему.

Смерив Цинжаня издевательским взглядом, он принялся неторопливо закатывать рукава своей черной рубашки. В Первой средней школе города S ученикам выдавали три комплекта формы.

Тот, что был на Вэньюе сегодня, шился по лекалам элитных частных пансионатов: строгие брюки, приталенный жилет и классическая рубашка. Верхние пуговицы на его воротнике были небрежно расстегнуты, обнажая крепкую шею, что придавало его облику опасную, хищную вальяжность.

При слове «письмо» сердце Линь Цинжаня пропустило удар. Еще на уроке он уловил этот приторно-сладкий аромат, исходивший от соседа — точно такой же, каким было пропитано то мерзкое анонимное послание.

Гу Вэньюй скользнул взглядом по его лицу, отмечая мертвенную бледность, и криво усмехнулся:

— Раз уж у тебя так сильно зудит в одном месте, может, подогнать тебе еще парочку мужиков? Будете развлекаться толпой.

После того памятного разговора Линь Цинжань сделался вдвойне осторожным. Каждое слово Вэньюя тяжелым эхом отдавалось в его голове, заставляя постоянно оглядываться по сторонам.

Сегодняшний день был последним перед ежемесячными каникулами. Линь Цинжань твердо решил: главное — продержаться до вечера, а дома он уже что-нибудь придумает.

Следующим уроком по расписанию стояла физкультура. Он заранее сложил в рюкзак учебники и тетради, чтобы сразу после тренировки уйти домой, не возвращаясь в опустевший учебный корпус.

Покидая кабинет, он хмурился от смутного беспокойства. Липкий, чужой взгляд, преследовавший его последние недели, никуда не делся. Да и омерзительные анонимки продолжали каждое утро исправно появляться на полке под его столешницей.

— Линь Цинжань.

Дорогу преградила высокая фигура. Подросток поднял голову и попытался молча обойти препятствие.

От преградившего путь Хуан Хайчэна разило тем самым удушливым парфюмом, причем сегодня запах был настолько густым, что желудок Линь Цинжаня мгновенно скрутило спазмом.

— Завтра каникулы начинаются. Какие планы? — ухмыльнулся Хуан Хайчэн, шагнув наперерез.

Линь Цинжань отступил назад, увеличивая дистанцию.

— Никаких. Мне пора на урок, — сухо бросил он.

Парень даже не шелохнулся, словно пропустив его слова мимо ушей.

— Я тут знаю одно классное местечко, там отлично кормят. Сходим вместе?

— Нет, спасибо, — отрезал Цинжань, стараясь говорить как можно спокойнее.

Они виделись от силы раза два, и такая бесцеремонная фамильярность откровенно пугала.

Поняв, что дорогу ему не уступят, Линь Цинжань развернулся и быстро зашагал к противоположному крылу здания, решив спуститься по запасному выходу.

Хуан Хайчэн проводил его взглядом. Покручивая массивное кольцо на указательном пальце, он мазнул ленивым взглядом по объективу купольной камеры под потолком коридора и хрипло рассмеялся.

Физкультура прошла на удивление спокойно — Гу Вэньюя не было ни в школе, ни на стадионе. Линь Цинжань наконец-то смог немного перевести дух.

Но едва прозвенел звонок об окончании занятий, как телефон в его кармане мелко завибрировал.

Он вытащил трубку, разблокировал экран, и пальцы его мгновенно заledenели.

Сообщения пришли от Хань Синьи. Всего две короткие строчки:

[Хань Синьи: Спаси меня.]

[Хань Синьи: Я в заднем саду.]

В голове безумным вихрем пронеслись недавние угрозы Гу Вэньюя. Охваченный паникой, Линь Цинжань схватил рюкзак и со всех ног бросился к заднему саду.

Название этого места звучало красиво, но на деле «Задний сад» представлял собой глухой заброшенный пустырь на задворках школы, заваленный строительным мусором и старым инвентарем. Ни учителя, ни ученики сюда никогда не заглядывали — обходные тропинки вели в обход Заднего сада, и случайных прохожих здесь не водилось.

Когда он, тяжело дыша, добежал до Заднего сада, экран телефона снова вспыхнул:

[Хань Синьи: Заходи внутрь.]

Посреди заросшего сорняками клочка земли стоял глухой кирпичный сарай для инвентаря. Старая железная дверь давно покрылась толстым слоем ржавчины и вековой пыли.

Линь Цинжань нерешительно приблизился и толкнул створку. Петли натужно взвизгнули, осыпая сухую траву хлопьями ржавой окалины.

Внутри царил абсолютный, удушливый мрак. Шагнув за порог, он не смог разглядеть даже собственных рук. Вдруг из самого темного угла донесся странный шорох.

Цинжань резко обернулся на звук, но не успел сделать и шага — тяжелая металлическая дверь за его спиной с глухим стуком захлопнулась.

В комнате стало совершенно темно.

<http://bllate.org/book/18342/1764197>